

**Контрафактные товары, маркированные товарным знаком: проблемы
правоприменения в России**

Научный руководитель – Матвеев Антон Геннадьевич

Сивинцева Ольга Владимировна

Студент (магистр)

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Юридический факультет, Пермь, Россия

E-mail: siven8@gmail.com

**Контрафактные товары, маркированные товарным знаком: проблемы пра-
воприменения в России**

Сивинцева О.В.

Студент, 1 курс магистратуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

юридический факультет, Пермь, Россия

E-mail: siven8@gmail.com

Динамичное развитие современного общества позволило российскому гражданскому праву выйти на новый уровень в 1990-2000-х гг. и интегрировать в свой терминологический аппарат новые дефиниции. Среди последних находится понятие контрафактного товара, которое впервые нормативно оформилось в Законе РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 23.09.1992 № 3520-1. Актуальность поднятой темы не вызывает сомнений и аргументируется тем, что активное развитие глобального рынка и постоянное перемещение товаров из одной точки земного шара в другую, а также закономерное формирование определенной репутации поставщиков периодически становятся причиной нарушения исключительных прав. Однако в российском гражданском праве до сих пор имеется ряд проблем в сфере законодательства и правоприменения по этому вопросу.

Во-первых, обоснованные сложности возникают с толкованием соответствующих правовых норм Гражданского кодекса РФ. При определении контрафактности товара, маркированного товарным знаком, закономерно применяются п. 4 ст. 1252 и пп. 1, 2 ст. 1515 ГК РФ. Однако остается неясным ответ на вопрос, как соотносятся между собой эти широкая и узкая правовые нормы. Рискнем допустить, что узкая правовая норма (п. 1 ст. 1515 ГК РФ) вписалась в Гражданский кодекс РФ путем механического переноса из Закона РФ «О товарных знаках...» (п. 2 ст. 4).

Путем применения алгоритма определения коллизий норм права, разработанного С. Б. Поляковым, констатируем наличие совместимых понятий в виде подчиняющих и подчиненных понятий, или рода и вида, при котором объем одного понятия целиком включается (входит) в объем другого понятия, но не исчерпывает его [3, с. 274]. Согласно п. 4 ст. 1252 ГК РФ, применительно к товарным знакам контрафактными являются «материальные носители, в которых выражено средство индивидуализации, когда изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение таких материальных носителей приводят к нарушению исключительного права на такое средство». Обозначенное понятие является подчиняющим по отношению к подчиненному, которое содержится в п. 1 ст. 1515 ГК РФ. В подчиненном понятии в качестве материальных носителей (рода) указываются товары, этикетки, упаковки товаров (виды материальных носителей). Что касается действий с материальными носителями, которые приводят к нарушению исключительного права, то в п. 1 ст. 1515 ГК РФ указывается на «незаконное

размещение товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения» (вид), что можно интерпретировать как «иное использование» (род) из п. 4 ст. 1252 ГК РФ. Получается, что в правоприменении должна использоваться специальная норма, которой отдается предпочтение в соответствии с классическим правилом логического толкования, получившим признание еще в римском праве - *lex specialis derogat generali*.

Во-вторых, несмотря на преодоление указанной правовой коллизии путем применения логического толкования, проблема усложняется позицией Конституционного суда РФ, сформулированной в его резонансном Постановлении от 13.02.2018 № 8-П. Интересно, что даже в литературе высказаны разные точки зрения по итогам анализа Постановления Конституционного суда РФ № 8-П на предмет соотношения п. 4 ст. 1252 и пп. 1, 2 ст. 1515. По словам Э. П. Гаврилова, этот вопрос так и остается неясным [1, с. 44]. Однако Н. С. Иванов склонен полагать, что Конституционный суд поддержал широкий подход к понятию контрафакта и указал, что контрафактным следует считать не только поддельный товар, но и оригинальный товар, который ввозится на территорию РФ без согласия правообладателя [2, с. 133].

Вопреки классическому правилу логического толкования, основанному на необходимости правоприменения специальной нормы, судом применяется иной подход, который фактически указывает на использование п. 4 ст. 1252 и пп. 1, 2 ст. 1515 ГК РФ в совокупности. В п. 6 мотивировочной части Постановления Конституционного суда РФ № 8-П понятие контрафактного товара разъясняется как, с одной стороны, поддельной продукции, а с другой - товара, снабженного товарным знаком, но импортированного в Россию без согласия правообладателя.

В-третьих, неоднозначный подход Конституционного суда РФ в части толкования понятия контрафактной продукции дополняется положением о дифференцированном подходе при применении меры ответственности в виде изъятия и уничтожения товара к контрафактной продукции. Такой подход следует считать обоснованным ввиду отсутствия ущерба репутации правообладателя при ввозе оригинальных товаров.

Мера ответственности в виде изъятия и уничтожения товара, как указывается в Постановлении № 8-П, не может быть использована в отношении оригинальных товаров, ввезенных на территорию России без согласия правообладателя, за исключением случаев некачественного, опасного для жизни и здоровья людей товара и в целях охраны природы и культурных ценностей. Маловероятно, что указанные основания могут быть применимы судами по объективным причинам вследствие отсутствия интереса как со стороны ответчика, так и истца (за исключением случаев изменения качественных характеристик товара - например, истечения срока годности).

Наконец, в материалах судебной практики, сформировавшейся после принятия Постановления Конституционного суда РФ № 8-П, наблюдается заметное единство. Это единство не соответствует подходу Конституционного суда РФ и порождает лингвистическую неопределенность: в отношении поддельных товаров применяется понятие контрафактной продукции; в отношении оригинальных - понятие контрафакта не используется - как правило, суды ограничиваются громоздкими фразами типа «товары, маркированные товарным знаком и ввезенные без разрешения правообладателя» [4, 5, 6, 7, 8].

Таким образом, как в российском законодательстве, так и судебной практике отсутствует единый сбалансированный подход к понятию контрафактной продукции, маркированной товарным знаком. Такое положение является следствием наличия правовой коллизии в нормах Гражданского кодекса, а также неоднозначного подхода Конституционного суда к понятию контрафакта.

Источники и литература

- 1) Гаврилов Э.П. Принцип исчерпания исключительного права и его толкование в Постановлении Конституционного Суда РФ // Хозяйство и право. 2018, № 5. с. 36–46.
- 2) Иванов Н.В. Исчерпание исключительного права на товарный знак и параллельный импорт // Закон. 2019, № 2. с. 127–137.
- 3) Поляков С.Б. Алгоритм определения коллизий норм права в правоприменении // Юридическая техника. 2017, № 11. с. 271–279.
- 4) Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 по делу № А51-16799/2019 // СПС Консультант Плюс.
- 5) Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.06.2019 по делу № А03-15967/2018 // СПС Консультант Плюс.
- 6) Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2021 по делу № А27-8115/2020 // СПС Консультант Плюс.
- 7) Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2019 по делу № А52-4078/2017 // СПС Консультант Плюс.
- 8) Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2020 по делу № А52-599/2020 // СПС Консультант Плюс.